

Спускаясь из своей мансарды к Изабель и Дэну, Робби застаёт сестру на лестнице — она сидит, обхватив руками сжатые колени, сложившись как можно компактней.

— Доброе утро! — говорит он.

С высоты двух ступеней видна в основном ее макушка. Волосы, нерасчесанные после сна, неровный пробор, зигзагообразно обнажающий белый череп.

Робби с Изабель не очень-то похожи. Ей достались от матери ярко-серые глаза под густыми бровями и костистый выступ носа — доминанта, в данном случае вступающая в дисгармонию с боксерской челюстью, доставшейся неизвестно от кого. Изабель рано уяснила, что раз на так называемую красоту в ее случае надежды мало, сработает воинственность. *За мной еще побегают. И с мальчиками буду гулять, и старостой выпускного класса стану.* Сестра, сколько Робби помнит, вечно претендовала на исключительность, и все из-за одной только непростительно своеобразной внешности.

В лице же Робби хищные черты матери — обличье ястреба, обращенного в женщину, настороженную и неуступчивую, — подпортила англо-ирланд-

ская уравновешенность отца: его сдержанный нос и подбородок, молочно-шоколадные глаза и безобидная приветливость.

В старших классах Изабель прорубалась сквозь чужую глупость, оставляя позади качков и королев красоты. Робби, нежная душа, был похлипче. С пяти лет ходил в очках (а в двадцать целый год носил небесно-голубые линзы, но об этом, пожалуй, не стал бы распространяться). Рос замкнутым и меланхоличным (спасибо на добром слове маме, говорившей “мрачен, как Хитклиф”, пусть даже намекая, что Робби никакой не Хитклиф и надо бы ему старательней двигаться в этом направлении). Он мучительно переживал и преднамеренные оскорбления со стороны, и, хуже того, не предназначенные для его ушей, но легко воображимые. Робби отчаянно хотел быть любимым, а это, понимает он задним числом, надежная гарантия того, что в любви тебе откажут всюду и почти все, исключая родных.

— Доброе утро, солнце мое, — говорит Изабель.

— Да уж, начинается. Утро доброе.

— Как там сочинения про Колумба?

— На данный момент шестеро считают его злодеем и захватчиком, трое полагают — он и впрямь открыл Америку и правильно сделал. А один парнишка, похоже, решил, что я задал описать, как Колумб был одет.

— И как он был одет?

— В мантию, кажется. А на голове тиара, что ли.

— Красота.

— И не говори. Однако же...

— Однако же?..

— Вот думаю, надолго ли меня еще хватит. Выматывает это все, и чем дальше, тем больше. Знала бы ты, каково изо дня в день находиться с ними в одном помещении.

— Да знаю. Знаешь ведь, что знаю?

— Ну да, конечно. Но. В последние неделю-две я даже...

— Должна спросить. Не из-за переезда ли ты вымотался больше обычного?

— Должен опять попросить не терзаться чувством вины по этому поводу.

— Жалеешь, что не пошел в медколледж?

— Нет, об этом не жалею. Да в нашей школе все учителя, по-моему, не прочь сменить работу. Кроме Мирны.

— Которая и учить-то не умеет. И вообще, как я поняла, ничего не умеет толком.

— Хоть бы парик себе новый купила.

— А я вот все думаю об отце. Доктор Мир чего только не говорит о его самочувствии.

— Ох уж этот доктор Мир...

— Он тут паломничество в Лурд поминал, отец тебе не рассказывал? Почему бы, мол, не сделать ставку на чудотворное вмешательство?

— Это примерно как сделать ставку на самого доктора Мира. Не замечала случаев, что все журналы у него в приемной — за прошлый год? Как минимум. А в вазочке ириски. С Хэллоуина.

— Робби, тут не до шуток. Отнесись к этому по-серьезней, будь добр.

— А я, думаешь, не серьезно отношусь?

— Ладно-ладно. Знаю, что серьезно. В самом деле ириски? Может, я просто отказывалась замечать.

— Послушай.

— Я вся внимание.

— Я не пошел в медколледж не наперекор желанию отца. Хорошего доктора, чтобы лечить его теперь, из меня бы все равно не вышло. Это давно установленный факт, разве нет?

— Ты знаешь, что я думаю о фактах.

— А в Лурд отправиться — может, и не такая уж плохая идея. А то отца из дома не вытащить.

— Видела сову сегодня утром. На дереве.

— На этом вшивеньком деревце за окном?

— Ага.

— Исключено.

— В Центральном парке водятся совы.

— Так то в Центральном парке.

— Ладно. Мне приснилось, что я видела сову. Запустил уже что-нибудь от Вульфа?

В каком-то смысле Вульф — повзрослевшая ипостась старшего брата, придуманного ими в детстве, брата-защитника, никого и ничего не страшившегося и понимавшего язык зверей и птиц.

Воображаемого брата они так и называли: Вульф. Правда, Робби до шести лет слышалось “Вуф”, но он в этом никогда не признавался.

— Нет еще. Уж очень увлекся Христофором Колумбом.

— Мне нравится представлять его в тиаре.

Робби садится рядом с ней на третью ступеньку. Обоняет ее утренний запах, не перебитый еще ду-

шем и дезодорантом. Дынная свежесть и совсем чуть-чуть сухоцвет. Они вдыхали друг друга с детства, но Робби давно уже не заставлял сестру в такую рань, до душа. И теперь втягивает носом воздух, не может удержаться.

— Поеду после обеда смотреть квартиру в Вашингтон-Хайтс, — говорит он. — Вроде как с видом на реку.

— Река — это прекрасно. Не то что вшивое деревце и обувная клиника.

— Давно надо было этим заняться. Детям, сама знаешь, пора уже иметь отдельные комнаты.

— Вчера вечером Вайолет спросила меня, зачем Натану пенис.

— Что же ты ответила?

— Что мальчики отличаются от девочек.

— И устроил ее такой ответ?

— Нет. Ей хотелось знать, для чего конкретно он предназначен.

— Наш человек. Всего пять лет, а уже факты ей подавай.

— Будем считать это напоминанием, что дети уже слишком взрослые для общей комнаты. И почему мы с Дэном так долго закрывали на это глаза? Паршивые мы родители.

— Вовсе нет. Просто родители с дефицитом комнат.

— Вспоминаю, какой мы когда-то собирались купить загородный дом, — говорит Изабель.

— Дети, одно слово.

— Дом на десяток комнат с огородом и тремя собаками. А то и четыремя.

— Фантазии мисс Мэнли, — говорит Робби. — Которыми она заразила тебя, а ты — меня.

— Лучшая учительница пятых классов. В жизни каждого ребенка должен быть педагог-хиппи.

— Склонный романтизировать действительность.

— Но кто-то ведь переезжает за город. Домов продается полным-полно, и даже, я слышала, по приемлемым ценам.

— До ближайшего гея, правда, будет километров с полсотни.

— Жаль, что так вышло с Оливером.

— Он ни за что бы не согласился переехать за город.

— Не купить ли нам Вульффу дом где-нибудь на севере штата? — говорит Изабель.

— Даже не знаю. А нужен он ему, по-нашему?

— Почему бы и нет? Он работает как проклятый.

— Но ведь маленьким пациентам без него не обойтись.

Изабель шаловливо толкает Робби в плечо, как делала со времен... да сколько он себя помнит. Толчок этот дружеский (каким и был всегда), но совершается (и всегда совершался) с расчетом причинить мимолетную боль, как бы намекая, что и дружба порой подостлана злостью.

— Ты заставил его печься о больных детях! В голове не укладывается.

— Не то чтобы он этим одержим. Так, упоминает изредка.

— А ты бы стал хорошим врачом.

— Можно подумать, я плохой учитель. Просто утро такое выдалось. А все Колумб, будь он неладен.

— Значит, в медицинский ты идти не хотел. И в начальной школе преподаешь вовсе не назло отцу.

— Такова упрощенная версия, а кому нужны другие?

— Вульф в хороших отношениях с отцом, как по-твоему?

— Вульф — это посты в инстаграме, только и всего. Мы выдумываем его по ходу дела. Он не личность. Даже не идея личности.

— Раскомандовалась я?

— Пожалуй, есть немного.

— А помнишь, как я однажды съела весь твой именинный торт?

— Тебе было четыре. Мне два. Нет, я этого даже не помню.

— Зато мама эту историю сто раз рассказывала. Такими по официальной семейной версии мы были в детстве.

— К чему ты сейчас об этом?

— К тому, что такова, как видно, моя натура. Могу съесть чужой именинный торт. Выставить на улицу собственного брата. Мирюсь с крепчающим идиотизмом на работе.

— И до чего уже дошел идиотизм?

— Сегодня буду отговаривать Деррика от пере съемки сюжета про Асторию — за неимением средств. И материалом на тему нетрадиционных семей он недоволен, кажется. Предстоит еще выяснить почему.

— Хочешь, спушись проведу Дэна и детей?

— Будь так добр. Я бы посидела еще одна. Хорошо здесь, на лестнице, — как на полпути между тут и там.

— Все наладится.

— Да конечно. Все наладится.